

К. Б. РАДЕК

Анархисты и Советская Россия

С чувством радости встретила буржуазная печать разоружение анархистов Советской властью. С негодованием клеймит анархическая «Свободная Коммуна» действия рабочего и крестьянского правительства, которое будто бы пошло по стопам Керенского. Неудачники революции меньшевики — эти привычные зрители истории — с злорадством выводят «отца анархии» против анархистов.

Советская власть предвидела и радость буржуазии, и вопль анархистов, и злопыхательство банкротов революции, когда решилась на разоружение анархистов. Она применила крутые меры против анархистов потому, что считала их необходимыми в интересах рабочей революции.

Рабочие везде отнеслись одобрительно к действиям рабочего правительства: грабежи анархистов были обращены не только против буржуазии, но и против рабочих.

Но недостаточно радоваться по поводу разоружения грабителей, исходя из чувства личной безопасности. Шаг правительства имеет более глубокие корни, нежели стремление оградить население от разбойничьих набегов: рабочие массы должны его понять во всех его предпосылках.

Каково отношение пролетарского коммунизма к анархизму? Если из многих школ и направлений, на которые распадается современный анархизм, обратить внимание на самое существенное, то оно сводится к отрицанию государственной власти и хозяйственной централизации. Одно и другое вытекает из полного непонимания направления общественного развития и потому

отношение к анархизму пролетарского коммунизма, науки чисто исторической, опирающейся на уроки истории и защищающей интересы рабочего класса, именно на почве исторических стремлений, может быть только отрицательным.

Капитализм представляет собою не только порабощение рабочего класса, но одновременно подчинение продуктивных сил природы человечеству. Никогда в истории силы природы не были так покорены человеком, как в эпоху капитализма. Капитализм покорил силу пара и электричества, связал с их помощью самые отдаленные части земного шара. Он кормит немецких рабочих китайским рисом, английское население снабжает сибирским маслом, помогает русскому народу добывать богатства его земли при помощи американских машин, снабжает человечество южно-американским золотом и освещает хаты эскимосов мексиканской нефтью. Капитализм покорил пространства, он преодолевает телеграфом противодействие времени, он превратил земной шар в одну житницу и в одну мастерскую.

Но в этом процессе связывания всех людей в одно общество, в котором одна часть взаимно связана и взаимно зависит от другой, капитализм одновременно сделал тружеников всего мира рабами одного класса — даже одной маленькой клики трестовых королей. <...>

Пролетариат борется против эксплуатации сил природы и сил человечества в пользу этих трехсот человек, о которых Вальтер Раттонау [Ратенау], руководитель могущественного электрического немецкого треста, говорит, что в их руках находится управление хозяйством всего мира. Пролетариат стремится к тому, чтобы силы природы, покоренные усилиями и потом трудящихся масс всего мира, служили им, а не горстке захватчиков.

Но рабочий класс не может стремиться к разрушению этого могущественного аппарата, который создал капитализм и который связывает все мастерские всего мира, который соединяет усилия всех людей в их борьба с природой. Наоборот: рабочий класс хочет во имя интересов трудящихся масс усилить эту связь трудовых отрядов человечества, укрепить аппарат, соединяющий мир. <...>

Капитализм, создавая международный организм труда, одновременно задерживает его в своем развитии, разбивает его на национальные организмы труда, — друг другу противопоставленные. Этим путем международный капитализм достиг того,

что человечество, им же самим соединенное, находится четыре года в состоянии братоубийственной войны, что уничтожаются не только богатства, накопленные в продолжение столетий, но даже продуктивные силы будущего.

Если пролетариат не хочет повторения этой работы разрушения, если он не хочет, чтобы на развалинах современной капиталистической культуры водворился голод и холод, то он должен, вырвав власть из рук трестовых королей, уничтожить созданные ими преграды между хозяйственными организмами разных стран, должен довершить процесс хозяйственной централизации мирового экономического организма. <...>

Но не только ради интересов будущего стоим мы за центральную хозяйственную власть, власть управляющую производительными силами человечества — мы тем более сторонники центральной власти в эпоху социальной революции, в эпоху покорения буржуазии. Для того, чтобы иметь возможность в необходимый момент ринуться всеми силами рабочего класса на его эксплуататоров, чтобы собрать эти силы для мощных ударов, — революция нуждается в центральной революционной власти, распоряжающейся всеми силами борющихся народных масс для подавления буржуазии и ее помощников.

Если бы трудовое казачество в своей борьбе с Калединым и Дутовым было предоставлено своим силам, оно может быть долго еще не справилось с этой контрреволюционной опасностью, угрожающей ему, как и всей революционной России.

Анархисты могут сказать: «Но, ведь, для этого не нужно государства, рабочие Петрограда или Москвы послали бы добровольно помощь против Каледина». Но вещь не так проста. Если одновременно поднимается против Советской власти и Каледин, и Дутов, и Украинская Рада¹, и Корнилов, — кто будет тогда решать, которая опасность больше, против которой надо в первую очередь двинуть силы, которой надо в данный момент уступить? Уже борьба с внешними проявлениями контрреволюции требует центральной революционной власти.

Ее необходимость становится еще более ясной, если дело идет об уничтожении условий возникновения контрреволюционного движения, экономической разрухи и голода. <...>

Таким образом, без центральной власти невозможна защита революции. Мы видим, что русские рабочие и крестьяне, в своем подавляющем большинстве, поняли это великолепно. Съезды Со-

ветов, представляющие несомненно волю рабочих и крестьянских масс, предоставили Совету Народных Комиссаров полномочия, какими не пользовалось никакое правительство мира. Наши противники говорят о Советском самодержавии — это, понятно, вздор. Самодержавие, которое не имеет никакой другой силы кроме помощи народных масс, — это народовластие в самом лучшем смысле этого слова. Но это одновременно — власть народных масс, которые знают, что они окружены врагами и что надо соединить свои силы, чтобы врагов победить.

Нет революции без самодеятельности широких масс трудового народа. Местные Советы — это органы самодеятельности масс. Но революция Советов была бы задавлена силами контрреволюции, если бы не создала центральный орган борьбы, т. е. правительство, т. е. государство, которое соединяет и направляет все силы местных Советов.

Раз это так, то наука анархистов, что в революции всё надо строить на самодеятельности масс, что не нужно никакого рабочего правительства, — эта наука направлена против интересов трудового народа, против революции — т. е. — наука контрреволюционная. Предоставляя анархистам свободу распространения своих взглядов, мы никогда не закрывали глаз на опасность анархических стремлений для революции. Несмотря на то, что лично честные анархисты глубоко убеждены, что служат делу раскрепощения масс, — они объективно служат делу буржуазной реставрации.

Но мысль надо преодолевать мыслью, и Советская власть никоим образом не посягала на свободу анархистской пропаганды. Поскольку же идейными анархистами стали какие-нибудь рабочие группы — Советская власть предоставляла им помещения для редакций газет. Она делала это в глубоком убеждении, что не насилие, а пропаганда о науке революции — самое лучшее средство преодоления анархизма, как идейного течения.

Иначе дело обстоит, если речь идет о попытках прямого сопротивления Советской власти или о действиях, направленных косвенно на усиление разрухи, на разложение революции. В таких случаях нельзя ждать медленного влияния пропаганды — здесь интересы пролетариата требуют немедленного противодействия опасности. А опасность эта в русской революции больше, нежели в революции какой-либо другой страны.

* * *

Если бросить взгляд на историю анархизма, то мы увидим, что он наиболее силен не в Германии, не в Англии, странах наиболее развитого капитализма, а во Франции, Италии и Испании, странах сравнительно отсталых. Развитие анархизма в Соединенных Штатах Северной Америки, кажется, противоречит этому положению. Но это только видимость: анархизм рекрутирует свои кадры именно из среды пришельцев итальянских, испанских и русских.

Вещь понятная: пролетариат стран, в которых сам труд соединяет его в большие массы на громадных фабриках, знакомит его со связью существующей между разными отраслями промышленности, с громадным аппаратом, обслуживающим эту связь, — этот пролетариат понимает великолепно, что нужен центральный организм производства, что нужна власть, управляющая этим организмом.

Пролетариат развитых капиталистических стран понимает, что буржуазия представляет громадную организованную силу, для преодоления которой необходима централизовать силы пролетариата. Он понимает, что невозможной будет победа над буржуазией без создания диктатуры пролетариата, т. е. государственной революционной власти, соединяющей все силы рабочих масс для ломки капиталистических отношений и сопротивления буржуазии. <...>

Россия представляет собою очень хорошую почву для анархизма. Страна с громадными мелкобуржуазными пережитками — она таит и в рабочем классе громадный процент элементов, которые только в первом поколении живут жизнью городского пролетариата. Эти элементы крестьянского или мелкобуржуазного происхождения, понимают так же мало, как крестьянство и мелкие торговцы, сложный механизм современного хозяйства. Крестьянин не видит своей зависимости от мирового рынка, от состояния государства — он живет жизнью деревни. Мелкий торговец живет жизнью своей улицы. Рабочий, который не поднялся выше горизонтов крестьянина и мелкого торговца, думает, что если он захватит свою фабрику, захватит для нее уголь, то он спасен. Рабочий такого склада мыслей идет с мешком в деревню, чтобы запастись хлебом, он не думает, что если бы это все делали, — весь транспорт был бы разрушен, колоссальные силы не применялись бы на творческую работу, а уходили на разъезды.

Солдат, который только во время войны столкнулся с государственным аппаратом, и то исключительно, как с аппаратом

кровапролития и разрушения, который видел, как чиновники расхищают этот аппарат, смотрит даже на рабочее правительство и государство, как на чужое добро. Он не чувствует угрызения совести, когда грабит народное богатство, — да он смотрит на рабочую власть, которая этому мешает, как на тиранию. На этой почве может расцвести анархизм, [который будет] прививать теории для всяких групповых и личных расхитительных тенденций в народных массах.

Если меньшевистский «Вперёд» говорит, что большевики поддерживали эти анархистские тенденции в народных массах, то это соединение лицемерия с тупостью. Господа меньшевики, которые восемь месяцев удерживали рабочих от захвата власти, которые восемь месяцев помогали буржуазии удерживать эту власть, помогали ей на глазах у народа расхищать народное достояние — они-то усиливали во всякой народной группе тенденции самочинных захватов.

Отсутствие центральной рабочей власти — вот почва для того, чтобы всякий старался на собственную руку и на собственный риск действовать и спасаться. Только большевики, взяв власть, создав рабочее и крестьянское правительство, открыли путь для обеспечения интересов рабочего класса в целом и только тем могут противодействовать анархическим тенденциям в среде рабочих масс.

Только власть, которая принимает все меры, чтобы обеспечить хлеб голодным, чтобы дать помещение бездомным, чтобы наладить работу на фабриках, — она имеет право и моральную силу для самой беспощадной борьбы с анархическими тенденциями народных масс.

Мы, которые отнимаем у буржуазии средства производства, можем сказать народу: всякий, кто грабит буржуазию на собственный риск и страх — тем самым отнимает у народа то, что в будущем должно быть достоянием всего народа, тот поступает своекорыстно, против интересов народных масс и этого надо взять на цепь.

Когда Керенский разоружал анархистов на даче Дурново² и когда меньшевики и с.-р. разоружали большевиков³, у них тряслись руки: они сами великолепно знали, что они защищают буржуазную собственность против рабочих. Когда рабочее правительство, которое отняло оружие у буржуазии, и которое шаг за шагом идет к уничтожению капитализма, принуждено

покорять силой анархистов, оно делает это с спокойной совестью, ибо оно защищает народные интересы от лиц, расхищающих народное достояние, мешающих процессу экспроприации капиталистов.

Обыватель радуется, что его на темной улице не ограбят — мы можем ему оставить это удовольствие, потому что мы в ясный день силою закона отнимем у него то, что он, как капиталист, награбил у народа.

Советская власть не боялась криков буржуазии, когда покоряла с оружием в руках Рудневых, Корниловых, Калединых; Советская власть не боится криков анархистов, когда заставляет с оружием в руках подчиниться анархистов. И в одном и в другом случае она защищает те же самые интересы: интересы рабочего класса, который, вырвав власть из рук капиталистов, не может ее сделать игрушкой в руках грабителей, грабящих капиталистов для того, чтобы сделаться мелкими капиталистами.

